

Малабаев С.К.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КЫРГЫЗСТАНА ПОСЛЕ ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИИ

S.K. Malabaev

CHANGES IN THE SOCIO-ECONOMIC LIFE OF KYRGYZSTAN AFTER BECOMING A PART OF RUSSIA

УДК: 316.1(575)

В статье рассматриваются состояние и проблемы кыргызского народа в социальной сфере после вхождения Кыргызстана в состав Российской империи. Автор приходит к выводу, что в целом присоединение края носило прогрессивный характер. Кыргызы были, хоть и в малой степени, приобщены к передовому производству и мировой культуре.

In this article are considered the existence of problem of Kyrgyz people in social sphere after Kyrgyzstan entered in the Russian Empire. Author comes to conclusion, that in general that go this join edge had progressive character. At that time there weren't a lot of Kyrgyz people but anyway they could deal with the every day life and they could come to the world culture.

Вхождение Кыргызстана в состав Российской империи имело важное историческое значение. Кыргызы были избавлены от угрозы порабощения соседними отсталыми феодально-деспотическими государствами. Прекратились разорительные междоусобные родоплеменные войны. Кыргызстан был втянут в мировое товарное обращение, как сырьевой придаток российского капитализма, что безусловно было прогрессивным явлением. Отголоски русской культуры сказывались и на развитие общей культуры края, в Кыргызстане появились первые библиотеки, светские школы, другие типы культурно-просветительских учреждений, медицинские пункты и т.п.

Интересно заметить, что в городе Ош беднейшим слоям населения при невозможности оплаты за различные услуги выдавались «удостоверения о бедности».

Колонизаторская политика везде в мире одинакова. Так на одном из заседаний царского правительства говорилось: «с киргизами Семиречья в отношении изъятия земель, нужно считаться постольку, поскольку считались при колонизации Америки с туземным краснокожим населением».

Царизм предоставлял избирательное право коренным жителям, но лишь избранным. Например, при выборах городских депутатов г. Оша в 1916 году предписывалось, что «участниками в выборах имеют быть право все участки и домовладельцы, а также и лица состоящие на государственной службе, кроме женщин, которые должны представить уполномочия на своих родственников».

Царский чиновник отмечал, что «к увеличению фабрик и заводов, туземное население относится сочувственно, что же касается питейных заведений, то киргизы среднего возраста радуются закрытию

питейных домов ибо дети их не редко начинали пить спиртные напитки и расточали хозяйство отцов».

В 1916 году царский чиновник отмечал, что «воспоминаний об утрате самостоятельности не замечалось ни в песнях, ни в разговорах. У киргиз существуют боевые песни прежних междоусобных войн, политического характера не имеют, а выслушиваются как древние былины. Молодое поколение до восстания киргиз, склонно было к сближению с русским населением, в настоящее время избегает и относится с боязнью. Собраний политического характера не было наблюдаемо».

Колониальная политика Российской империи вызвала восстание 1916 года. Одной из причин восстания была эскалация насилия и эксплуатация. Букару – бедноту обирали все, начиная с уездного начальника и кончая джигитами манапа. Но главной причиной была земельная политика, которая выражалась в систематическом вытеснении коренного населения с земель пригодных для пастбищ и конечно же и случаи межнациональной вражды между русскими переселенцами и кыргызами. «Поселенцы считали, что киргизы это «собаки» с которыми церемониться нечего». Архивные документы свидетельствуют: «Русские, вообще презрительно относившиеся к киргизам, стали над ними издеваться. «Вот погонят вас в окопы да всех и перебьют», «что с вами церемониться», «так вот вам и надо», «когда же вас в солдаты заберут» и т.д.». Генерал-майор Сибирского казачьего войска Нарбута И.Я. писал, что причинами восстания были «устройство русских переселенцев на земли киргиз, причем были отобраны лучшие земли. Плохое отношение русского населения, главным образом новоселов к киргизам, которых они ставили на один уровень с животными. Полагаю что дело не обошлось без агитации, причем агентура воспользовалась высочайшим повелением о наборе рабочих».

Семиреченский военный губернатор Алексеев В. считал, что «ближайшим поводом к возникновению беспорядков послужило неправильно понятое распоряжение о призыве туземцев на работы в тылу армии». Это мнение царского чиновника подкрепляется и показаниями одного из предводителей восставших Каната Абукина: «Первые сведения о призыве рабочих в действующую армию были получены в разных волостях в виде слухов о призыве не рабочими, а солдатами в июле месяце. Слухи эти встревожили киргиз, но сомневались, так как знали о существовании письменного обещания Белого Царя

не брать от киргиз солдат. После того как распространились эти слухи, волостных управителей потребовал к себе Пишпекский уездный начальник. По возвращении из Пишпека волостные управители объяснили, что призывают киргиз, не солдатами, а для каких-то других надобностей в действующую армию. Киргизы понимали, что раз призывают в действующую армию, то конечно для солдатской службы. Это мнение киргиз усилилось еще и тем, что некоторые русские говорили киргизам – дошла очередь и до Вас служить на военной службе. Почетных лиц и манапов Загорных волостей никто из администрации не вызывал и никто не разъяснял вопроса о призыве».

О несправедливом отношении царской администрации к коренному населению свидетельствует документ: «мы обратились с заявлением, что молодежь не соглашается давать людей и идти. Уездный начальник Путинцев нам ответил, что он должность сдал и нам нужно говорить с новым уездным начальником Рымшевичем, а он хочет обратиться к нам с просьбой в виду его ухода с должности и в честь его построить для больных на Арасане барак, мы тут же согласились дать со всех бывших здесь волостей по 30 коп. с каждой кибитки. Во время разговоров с Путинцевым к нам вышел Рымшевич, к которому мы обратились с тем же заявлением о нежелании молодежи подчиниться требованию о составлении списков и приговоров и просили его вызвать войска. Рымшевич с нами не разговаривал, а просто повернулся и ушел из этого мы заключили, что нас вызвали не для того, чтобы решить наболевший вопрос о призыве рабочих, а для того, чтобы мы пожертвовали деньги на постройку на Арасане имени Путинцева».

Во время восстания были жестокости с обеих сторон. Так, в документе зафиксировано: «В ночь с 11 на 12 сего августа на соседний наш хутор напали с целью грабежа киргизы Булекбаевской волости, а 12 числа те же киргизы напали на наш хутор именуемый «Мордовкой». Будучи уверенными, что киргизы не допустят такого злодейства, тем более, что Исмаил Сулейманов приезжал к нам 10 сего августа вместе с киргизами и дал нашему старосте подписку в том, что они нас не тронут, упрасивая оставаться нас на хуторе, чему я Варвара Химухина и соседи мои поверили, не приняв мер предосторожности и своевременного оповещения о начале бунта киргиз надлежащего начальства. Утром 12 августа мы видали, что масса киргиз спускалась из гор и собиралась в общую массу на расстоянии приблизительно двух верст от нашего поселка, а затем в часов 10 утра с криком набросились на наш поселок, начав грабить. Грабеж начат ими, т.е. киргизами, одновременно по всему хутору, нападением на все восемь дворов, причем конные начали избивать нас крестьян, а следующие пешие, разграбляли имущество, которое переносилось в дом Сулеймана. Убит на глазах моих был на смерть сосед мой, старик лет 60-ти Николай Куликов и изувечена

сноха его Елена Куликова, которой перебили ногу». Но со стороны царизма карательные меры были более жестокими. Царские войска не считали нужным иметь дело с пленными. Киргизы попадавшие в руки этих отрядов расстреливались вплоть до детей.

После подавления восстания генерал-губернатор Туркестана Куропаткин А.Н. считал «необходимым отобрать у киргиз все те земли, где пролита русская кровь, а так как в районе озера Иссык-Куль и по Текесской долине взбунтовавшимися киргизами разрушено и сожжено свыше 1000 домов, убито около 2000 душ русского населения, то все эти земли должны быть изъяты из пользования киргиз и обращены под водворение русских».

Восстание приняло жестокий характер в Пишпекском и Пржевальском уездах Кыргызстана, где земельный вопрос стоял очень остро. Так, губернатор Семиреческой области писал, что «возникшая в 1906 году Семиреченская переселенческая организация оказалась вынужденною в течении трех ближайших лет разместить до 40 000 «самовольцев», в пределах преимущественно Пишпекского, Верненского и Пржевальского уездов. ...«самовольцы» чувствуя за собой силу и сплоченность, не соглашаясь на предложение идти на указанные им участки, а требовали землеустройства там, где им самим хотелось и в результате обездолили киргизские хозяйства».

В политическом отношении киргизский народ был бесправен и подвергался политике русификации. Так, в III Государственную Думу должны были быть избранными лишь лица, знающие русский язык. Согласно манифесту от 3 июня 1907 года Дума должна была быть «русской» по духу. С 1909 года на должности волостных управителей и айльных старшин назначались лица коренной национальности, знавшие русский язык.

В социальной сфере Кыргызстан в царское время был колонией царской России, коренное население – киргизы не обладали политическими преимуществами, не были представлены в правящих кругах края, им были лишь предоставлены должности – волостных управителей, и то только тем, кто знал русский язык.

Дискриминация была не только в политической, но также и в экономической сфере. Средний годовой заработок на примитивных предприятиях Кыргызстана был ниже среднего заработка по Российской империи. По исчислению исследователей туркестанской промышленности В. Заорской и К.А. Александер, средняя годовая зарплата в Туркестане составляла – к 1913 году 180 рублей, а по империи – 288 рублей.

При этом, киргизы получали меньше, чем русские и узбеки. В Семиреченской области средняя поденная заработная плата киргизов, работающих непосредственно на производстве, составляла в среднем 54 коп. в день, русских – 63 коп.; в Сыр-Дарьинской области – узбеков – 87 коп., киргизов –

79 коп., русских – 85 коп. По всему краю рабочий-кыргыз, занятый на производстве, получал в среднем в день 67 коп., русский – 81 коп. Кыргызы работали в основном на вспомогательных работах и поэтому зарабатывали меньше.

Литература:

1. ЦГА КР, ф. 2, оп. 2, д. 4 в, л. 186.
2. ЦГА КР, ф. 350, оп.1, д. 119, л. 4.
3. ЦГА КР, ф. 2, оп.1, д. 14, л. 86.
4. ЦГА КР, ф. 86, оп. 1, д. 27, л. 145 об.
5. ЦГА КР, ф. 86, оп. 1, д. 27, л. 145.
6. ЦГА КР, ф. 75, оп.1, д. 50, л. 20.
7. ЦГА КР, ф. 75, оп.1, д. 50, л. 26.
8. ЦГА КР, ф. 75, оп.1, д. 2, л. 1.
9. ЦГА КР, ф. 75, оп.1, д. 46, л. 5.
10. ЦГА КР, ф. 75, оп.1, д. 48, л. 19.
11. ЦГА КР, ф. 75, оп.1, д. 48, л. 20.
12. ЦГА КР, ф. 28, оп. 2, д. 4, л. 104.
13. ЦГА КР, ф. 21, оп.6, д. 139, л. 122.
14. ЦГА КР, ф. 75, оп. 1, д. 48, л. 7.
15. ЦГА КР, ф. 75, оп.1, д. 46, л. 2.
16. Галицкий В.Я., Джаманкараев А.Б., Сапелкин А.А., Усенбаев К.У. «Трудящиеся Киргизии в борьбе за социальное и национальное освобождение в конце XIX-начале XX в.», Издательство: Илим, Фрунзе, 1982, С. 112.
17. В.В. Заорская и А. Александер «Промышленные заведения Туркестанского края». Пг., 1915. С. 55.
18. В.В. Заорская и А. Александер «Промышленные заведения Туркестанского края». Пг., 1915. С. 377, 394 .

Рецензент: д.соц.н., профессор Нурова С.С.
